

И.Н. Божерянов

**Иллюстрированная история русского театра
XIX века**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
И11

И11 **И.Н. Божерянов**
Иллюстрированная история русского театра XIX века: Том 1 / И.Н. Божерянов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 96 с.

ISBN 978-5-518-05998-6

ISBN 978-5-518-05998-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

по желаніе ихъ удовлетворено не было. Имъ выдали «для устроенія комедіи и всякихъ употребленій къ прежней ихъ дачѣ,—къ 200 рублямъ, тысячу триста рублей изъ посольскаго приказу» и приставили къ нимъ или, вѣрнѣе, назначили «быть при строеніи къ комедіямъ всякихъ готовностей» подьячаго Михаилу Родіонову.

18-го іюля фельдмаршалъ Шереметевъ разбилъ при Гуммельсгофѣ «пылкаго» Шлиппенбаха, и 6-го августа Головинъ писалъ дьякамъ категорическій приказъ, уже отъ имени Петра, съ помѣткой «писано съ пути отъ Двинки Малой». Приказъ этотъ интересенъ, такъ какъ вкратцѣ заключаетъ въ себѣ и противопожарныя, и декоративныя наставленія.

«Василій Тимофѣевичъ, Борисъ Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ! (очевидно—дьяки). По указу великаго государя прикажите комедіальной домъ строить по размѣру и по желанію комедіантову въ Кремлѣ городѣ, въѣхавъ Никольскіе ворота на лѣвой сторонѣ, что взято мѣсто у Трубецкихъ, подлѣ городской стѣны за караульною каменною; въ избахъ сдѣлать частыя большія окна для всякаго случая, чтобъ возможно было въ окно двумъ человѣкамъ пролѣзть, а окончинъ въ нихъ не дѣлать, для того, что не потребенъ свѣтъ въ комедіи; въ окнахъ же сдѣлать двойные затворы и велѣтъ внутри выписать; на затворахъ сдѣлать задвижные крюки, когда надобно затворить и запереть, въ теплотѣ также и отворить было бы удобно, и около того дому сдѣлать три или четыре избы съ малыми съ сѣнцы для пріѣзду желающимъ дѣйства комедіальнаго смотрѣть; деньги держать на то строенье отъ расхода изъ Посольскаго Приказа и конечно-бъ сдѣлано было все безъ всякаго мотчанія къ приходу великаго государя къ Москвѣ».

Пасторъ Грегори.

Заканчивается приказъ собственноручной припиской Головина: «чинить по сему указу, какъ написано, конечно, съ поспѣшеніемъ, Федоръ Головинъ». Но дьяковъ, очевидно, трудно было расшевелить и они, 17 августа, отписали Головину, «что на избранномъ мѣстѣ никакого строенія строить нельзя, ибо наношено кирпичу и всякаго лому и земли отъ старыхъ палатъ великія горы».

Дѣло не подвигалось; докладомъ отъ 4 сентября дьяки сообщали Головину, что по «сіе число комедіальные хоромы не строятся».

Головинъ явно началъ терять терпѣніе и приказалъ, въ случаѣ невозможности утилизировать бывшее мѣсто Трубецкихъ, выстроить театръ «на той же сторонѣ близъ Триумфальныхъ избъ на площади» и подкрѣпилъ это приказаніе внушительнымъ предупрежденіемъ «есть-ли пришествіе великаго государя будетъ къ Москвѣ, не понести-бъ вамъ его гнѣву на себѣ». Однако и перспектива близкаго знакомства «съ гнѣвомъ» Петра не произвела на дьяковъ должнаго впечатлѣнія.

Подтвердивъ, что «кирпичу и лому горы великія» препятствуютъ постройкѣ въ городѣ, они сообщали, что и у «тріумфальныхъ свѣтлицъ» строить нельзя, такъ какъ свободной площади до Никольскаго моста всего лишь 25 сажень, тогда какъ, «по сказкѣ комедіанта», зданіе должно имѣть въ длину 20 саж., «поперегъ 12, въ

вышину 6»; что, вслѣдствіе этого, «отъ той хоромны площади и тріумфальныя свѣтлицы заставятся».

8-го октября, т. е. за три дня до взятія Нотебурга, Головинъ, чтобы прекратить дальнѣйшее препирательство съ дьяками, приказалъ, чтобы «конечно театрумъ готовъ былъ къ пришествію великаго государя въ Лефортовомъ дому», иначе говоря, согласился съ первоначальнымъ мнѣніемъ осматривавшаго мѣсто «комедіанта».

Неизвѣстно, какія побочныя обстоятельства или угрозы воздѣйствовали на медлителей-дьяковъ, но на этотъ разъ приказъ Головина привелъ къ благоприятнымъ результатамъ. Письмомъ отъ 21-го октября его извѣстили, что «въ Лефортовѣ палата, гдѣ быть комедіи театрумъ, сдѣланъ», а еще немного спустя (31-го октября), что «въ Лефортовой большой палатѣ около театрума и хоры достраиваются, а на Красной площади за двѣ сажени тріумфальныхъ свѣтлицъ, гдѣ впредь комедіямъ быть, хоромину дѣлають же противъ прежняго его размѣру, за умаленіемъ мѣста, съ убавкою длинникомъ на 18, а поперечникомъ на 10 саж. трехъ аршинныхъ, забирають по заборному въ столбы и мхомъ мпакють, чтобы во время комедіальнаго дѣйства вѣтеръ не проходилъ».

Тутъ кстати сообщимъ, что цѣны на лѣсъ для строенія, по сообщенію тѣхъ же дьяковъ, были въ то время такія: «шты сажень словыхъ бревенъ просятъ по 20 алтынъ за бревно, и того будетъ 100 по 60 рублей, а на обвязку 12-ти сажень бревна, напримѣръ Яковъ Федоровъ сказалъ, что по 6 руб. всякому бревну».

Всѣмъ театральнымъ дѣломъ завѣдывалъ Іоанъ Кунштъ, котораго вывезъ изъ Данцига «капитанъ» Иванъ Сплавскій, выходецъ изъ Венгрии, котораго въ 1701 г. Петръ послалъ специально для того за границу. Іоанъ Кунштъ съ своею труппою актеровъ былъ нанятъ въ Москву за 600 ефимковъ въ годъ. Куншту въ подмогу даны были «4 человѣка портныхъ мастеровъ, два живописца, да красокъ терщикъ, четыре человѣка столяровъ». По поданной Кунштомъ росписи, для постройки театра нужно было «2,000 досокъ, 12,000 гвоздей, 100 бревенъ, 50 человѣкъ плотниковъ, 12 человѣкъ работниковъ».

Труппа набиралась по приказанію Головина изъ «русскихъ робятъ, какихъ чиновъ сыщутся, въ ученики 10 человѣкъ къ тому дѣлу удобныхъ, дабы могли управлять свое дѣло».

«Робаты» эти выбраны были изъ подъячихъ и изъ посадскихъ людей.

Не мало хлопотъ доставилъ также дьяку Родостамову вопросъ объ освѣщеніи «театрума». Очевидно, люстры въ Москвѣ было сыскать не легко, ибо въ письмѣ своемъ отъ 29-го августа 1702 года Родостамовъ жалуется, что «по присланному изъ похода великаго государя указу велѣно здѣсь у города Архангельскаго кунштъ въ комедію угодныхъ 12 паникадилъ мѣдныхъ обѣ одному ярусѣ, свѣчь по 12, по 10 и по 9, и по 8, и такихъ здѣсь не сыскано, а слышно, что такихъ паникадилъ съ двадцать купилъ господинъ Томасъ Фонкельманъ у Матвѣева приказчика Понна, у Франца Гиза, и нынѣ тѣ паникадила никому у него не проданы», а потому Родостамовъ проектировалъ предложить Фонкельману этихъ паникадилъ никому не продавать, а предъявить ихъ «комедіантамъ» для осмотра и, буде они пригодятся, держать у себя «до указа великаго государя» или отдать въ посольскій приказъ.

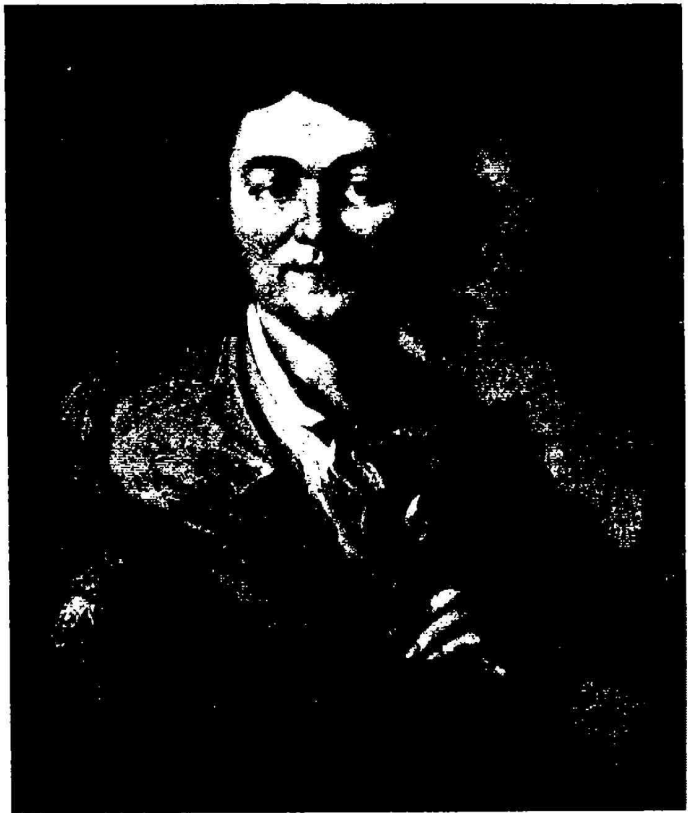
Въ письмѣ своемъ отъ 23-го сентября 1702 года, дьяки пишутъ Головину, что «комедіантъ совершенной-ли мастеръ и сѣутѣшныя дѣла его стантъ-ли подлинно невѣдомо и опыту ему не было. А въ приказѣ, приходя, непрестанно говоритъ, чтобы ему дать достальныя деньги всѣ, а есть ли да не будутъ даны, то указывать въ строеніи и дѣлать ничего не хочетъ, а что дано ему денегъ 1,500 рублей въ сверхъ прежней 1,000 ефимковъ, и тѣмъ деньгамъ написалъ роспись глухую, что издержалъ къ комедіи на платье 800 руб., людамъ своимъ далъ 400 руб., а 500 издержалъ на домашній свой расходъ и на лѣченіе жены своей».

Труппа Куншта, который назывался «Царскаго Величества комедіантскій правитель», должна была подготовить русскихъ актеровъ для комедіальной хранины. Въ началѣ октября 1702 г. приказано: «взять въ посольскій приказъ для ученія комедійныхъ

дѣйствъ разныхъ приказовъ подъячихъ и сказать имъ Его, Великаго Государя, указъ, чтобы они комедіямъ учились у комедіанта Юганна Куншта и были-бъ ему, комедіанту, въ томъ ученіи послушны». Петръ Великій не былъ доволенъ театромъ Куншта, который думалъ «привести Царское Величество въ утѣшеніе операми, летаніемъ и махинами» т. е. машинами. По приказу Петра, дѣяки посольскаго приказа требовали, чтобы Кунштъ «въ скорости, какъ можно, составилъ новую комедію о побѣдѣ и о врученѣ Великому Государю крѣпости Орѣшка», т. е. взятіи Нотебурга. Изъявляя желаніе, чтобы «Вышній Господь толикими побѣдами Царское Величество вѣнчалъ, koliko дней въ году», Кунштъ просилъ дѣяковъ «дать ему роспись, какъ обличеніе совершилось, и союзъ укрѣпился, закрытыми именами генераловъ и градъ называть». У дѣяковъ не оказалось нужнаго «подлинника», несмотря на то Кунштъ сочинилъ на заданную тему большой прологъ, на случай торжественнаго вшествія Государя въ Москву послѣ знаменитой побѣды надъ шведами — героическое представленіе «Александръ Македонскій и Дарій», а въ слѣдующіе дни даны были: «Бѣснованіе Ирода», соч. Куншта и «Докторъ принужденный» («Врачъ поневолѣ»), Мольера, и «Магометъ и Зюлима» — комедія съ пѣснями и танцами.

Но комедіальной храминѣ Петра Великаго не доставало литературнаго языка. Вообще время Петра Великаго, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ академикъ А. Н. Пыпинъ, не могло создать своей литературы

въ художественномъ направленіи, такъ какъ художественное творчество требуетъ трехъ основныхъ условий для своего существованія: установившихся формъ жизни, которыя служили бы предметомъ художественнаго изображенія; установившихся формъ литературныхъ, наконецъ, установившагося выраженія въ языкѣ.

Писаль Лосенко.

Гр. Ваалькоръ.

Актеръ Федоръ Гр. Волковъ.

Всѣмъ днѣ принятъ сего плана и одобренъ.
 Сего Моретта и нѣмъ вѣнчалъ и зно оно.
 Дачно и утѣсненна бпласена видо.
 И вѣдѣ оибу рѣся пѣсѣна мѣвѣ обидѣ.
 И нѣмъ и прѣвѣна, что амбикшъ злодѣ.
 Нѣмъ мѣвѣ сѣрвно мѣвѣ мѣвѣ мѣвѣ.

Автографъ изъ пѣсы „Слава Россійская“, данной въ 1724 г.

Академикъ П. П. Пекарскій въ интересной статьѣ «Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (см. Современникъ 1858 г. № 2) говоритъ, что Кунштъ умеръ въ началѣ 1703 г. и его вдовѣ Аннѣ, да актеру Бендлеру велѣно было остаться, чтобы они продолжали учить русскихъ актеровъ, но они просили ихъ отпустить за границу и таковая ихъ просьба была уважена.

Смерть Куншта не особенно огорчила дяковъ и они даже прибавили къ 3,500 руб. годового жалованья, которое получалъ Кунштъ, еще 500 руб. новому «начальному комедіанту, *золотою дѣла мастеру* Артемію Фиршту».

Эти 4,000 руб. составляли сумму, равную болѣе половины всего гонорарнаго бюджета новой труппы, достигавшаго всего въ годъ 6,704 руб. Остальные 2,704 распредѣлялись такъ:

«Музыкантамъ 4-мъ человѣкамъ, съ которыми на Москвѣ договоръ учиненъ: 1-му 120 руб., 3-мъ человѣкамъ по 80 руб., одному съ дѣтьми, съ которыми у города договоръ учиненъ — 280 руб., да за наемъ двора — 25 руб., 7-ми человѣкамъ, которые изъ Амбурха по приговору иноземца Матвѣя Поппа выѣхали и въ томъ числѣ первымъ двумъ по 146 руб., а прочимъ 5-ти человѣкамъ по 114 руб. человѣку, да за наемъ двора 20 руб. Четыремъ человѣкамъ, которыхъ выслалъ князь Григорій Очинскій, дано у него, князь Григорья, въ годъ по 200 ефимковъ человѣку на платье, да сверхъ того кормные за столомъ, а въ Москвѣ договору съ ними не учинено» — (положено было впослѣдствіи по 146 руб.).

Все это касалось исключительно артистовъ иноземныхъ. Русскимъ сперва никакого жалованья совсѣмъ не платилось, а позже они были включены въ бюджетъ со слѣдующими, болѣе чѣмъ скромными, окладами: одному — 60 руб., семи по — 50 руб., тремъ — по 45 руб., одному — 40 руб.

За время завѣдыванія театромъ Артеміемъ Фирштомъ, было закончено новое зданіе, какъ о томъ дяки и доложили Головину 18-го сентября 1703 г.

Фирштъ повелъ дѣло энергично; къ «открытію сезона» у него заготовлено было 64 декорации («картины живописнымъ письмомъ писанныя»), шесть пьесъ разучено и четыре разучивались. Костюмы всѣ были сдѣланы заново, такъ какъ старые Фирштъ почему-то не пожелалъ брать у вдовы своего предшественника. Старый тафтяной занавѣсъ изъ лефортовскихъ палатъ онъ тоже не взялъ, а сдѣлалъ новый «камчатной лауданной». Поднять былъ также вопросъ объ уборныхъ для артистовъ («придѣлать къ той комедійной хранилѣ двѣ избы трехъ саженныхъ, потому что въ зимнее время комедіантамъ въ платьѣ убираться негдѣ»).

Въ это же время труппа лишилась одного изъ, повидимому, талантливыхъ своихъ членовъ, Семена Смирнова, который былъ пожалованъ въ подъячіе посольскаго приказа.

Въ маѣ слѣдующаго 1704 г., Головинымъ былъ отданъ приказъ объ отмѣнѣ спектаклей наканунѣ праздничныхъ дней.

Сборы въ новомъ театрѣ у триумфальныхъ свѣтлицъ были такіе: «сего мая 15-го была въ комедіи игра, ради охотныхъ смотрѣльщиковъ, съ которыхъ собрано въ казну по ярлыкамъ 16 руб. 20 алт. 4 деньги».

Это, повидимому, средній сборъ, такъ какъ по дальнѣйшимъ донесеніямъ дяковъ видно, что цифра сборовъ колебалась между 24 и 10 руб.

Утренніе спектакли имѣли въ то время больше успѣха, чѣмъ вечерніе, благодаря тому обстоятельству, что сверхъ платы за мѣсто публикѣ приходилось еще платить, въ случаѣ вечернихъ спектаклей, и поворотный сборъ (за проѣздъ въ ворота туда и обратно). Такимъ образомъ, осенью, когда представленія дѣлались преимущественно по вечерамъ, сборы ушли до 7, 5, 3, 2 и даже 1½ руб.

Труппа, какъ и въ первое время своего существованія, была двойная — русская и нѣмецкая.

Приведемъ имена первыхъ постоянныхъ русскихъ актеровъ съ указаніемъ ихъ годичнаго оклада:

Федоръ Буслаевъ (40 р.), Никита Кондратьевъ, Петръ Быковъ, Тимофѣй Степановъ, Борисъ Гуторовскій, Дмитрій Яковлевъ, Романъ Аммосовъ, Василій Кошелевъ (по 30 руб.), Василій Теленковъ, Никита Кубасовъ, Михаилъ Совѣтовъ (по 25 р.), Иванъ Кузьминъ (20 р.).

Императрица Елисавета Петровна.

Иностранной труппѣ содержаніе поубавлено, сравнительно съ первымъ временемъ, такъ какъ въ концѣ 1704 г. имъ отпускалось всего на всего уже 3,630 р., включая въ эту сумму и жалованье самого Фиршта и «строение комедіальнаго платья». Зато оркестръ расширился. Въ концѣ того же 1704 года дьяки разыскивали по Москвѣ 11 человѣкъ, способныхъ обучиться игрѣ на гобоѣ.

Какіе были приглашены музыканты, сказать трудно, но весьма вѣроятно, что такихъ же достоинствъ, какъ и актеры, о которыхъ сами же нѣмецкіе резиденты (напр. Бассевичъ)

были весьма невысокаго мѣня. Впрочемъ нѣмецкіе оркестры времени Петра далеко превосходили оркестры русскіе. Такъ Берхгольцъ, оставившій свой любопытный дневникъ (за время пребыванія голштинскаго герцога Петра-Фридриха въ Россіи) рассказываетъ, какой успѣхъ имѣлъ оркестръ его герцога при дворѣ и среди русскихъ вельможъ.

Составъ оркестра времени Петра былъ преимущественно духовой—флейты, гобои, фаготы, валторны вмѣстѣ съ трубами и литаврами. Струнные далеко еще не занимали того выдающагося положенія, которое заняли впоследствии.

Что касается репертуара, то кромѣ разныхъ фанфаръ и маршей, кромѣ танцевальной музыки (менуэтовъ, экосезовъ и т. д.) въ большомъ ходу были «концерты» и «серенады»—излюбленные тогда въ Германіи формы инструментальныхъ сочиненій, вскорѣ получившія законченность въ рукахъ И. С. Баха, Гайдна и Моцарта.

Музыкальныя собранія устраивались довольно часто; на нихъ «присутствовали и русскіе господа»—говоритъ Берхгольцъ.

И при Дворѣ устраивались постоянные концерты (оркестра придворнаго и оркестра герцога Голштинскаго); они начались въ 1722 году, продолжаясь и послѣ смерти Петра.

До насъ дошла одна піеса, именно «Слава Россійская», которая была играна въ Москвѣ въ госпиталѣ 18 мая 1724 г., въ день коронаціи императрицы Екатерины I. Приводя снимокъ начала монолога «Россіи», помѣщаемъ подстрочникъ стиховъ:

«Весьма днесь о пробужденна плакати жестоко,
Едва можетъ отъ скорби зрѣти слезно око.
Давно азъ утѣшенна отъ плачевнаго вида,
Не вѣмъ, откуда чтася тяжка мнѣ обида.
Никого азъ прогнѣвахъ, чтобъ вѣниша злобу?
По что мнѣ свирѣно терзають утробу?»

Сохранился также указъ, отъ 11 декабря 1713 г., царицы Прасковьи Феодоровны объ отпускѣ изъ комедійнаго дома «въ собственную Ея Величества комедію перспективныхъ комедіанскихъ картинъ 20-ть».

Въ 1716 г. любимая сестра Петра великаго, царевна Наталія Алексѣевна выпросила себѣ большой домъ на Петербургской сторонѣ, въ Никольской улицѣ, и устроила въ немъ театръ съ партеромъ и ложами. Труппа эта состояла изъ 10 актеровъ и 16 музыкантовъ. Царевна сама сочиняла трагедіи и комедіи, нѣкоторыя имѣли 12-ть и болѣе дѣйствій, беря сюжеты изъ Библіи. Въ концѣ спектакля выходилъ одинъ изъ придворныхъ служителей, который пояснялъ публикѣ темныя, малопонятныя мѣста трагедіи. Зрѣлища эти дозволялось смотрѣть всякому, кромѣ того, приходящимъ подносили по рюмкѣ вина и по кренделю. Но съ представленіями, сопровождавшимися музыкою, т. е. операми и послѣ смерти Петра наши предки не были знакомы. Лишь въ первомъ номерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1739 г. сообщалось изъ Рима, что «кардиналь Оттобони велѣлъ въ своихъ палатахъ на театрѣ новую музыкальную оперу впервые дѣйствовать», причемъ въ выноскѣ къ слову «оперу» было сказано: «опера есть музыкальное дѣяніе на подобіе комедіи, въ которомъ стихи поютъ и при оной разные танцы и презрѣдныя машины представлены бывають».

При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1735 г. была выписана итальянская труппа, которою управлялъ композиторъ-капельмейстеръ Арайя; 1737 году была дана въ Петербургѣ первая опера его сочиненія «Abiasace»; затѣмъ въ 1738 г. онъ поставилъ «Семирамиду», а потомъ «Сципіона», «Арзака» и «Селевка». Одинъ театръ, для котораго декорации писалъ «комедіальныхъ дѣлъ мастеръ Доронбонъ» (Джираломо Бопъ), былъ устроенъ при дворцѣ, а другой, построенный архитекторомъ Гуерра и машинистомъ Джибелли, при Лѣтнемъ домѣ. Сама государыня мало интересовалась итальянскою оперою, но любила представленія русскихъ забавныхъ сценъ, которыя разыгрывали вельможы. Для императрицы были сочинены сказки: «Яга-Баба» и «Фениксово ясное перышко».

Въ 1750 г. кадетами Шляхетскаго корпуса (нынѣ I-го кадетскаго) была разыграна русская трагедія Сумарокова «Хоревъ», а 25-го ноября того же года при представленіи

оперы «Беллерофонтъ» вызвалъ всеобщій восторгъ придворный пѣвчій Маркъ Ѳеодоръ Полторацкій, который вскорѣ былъ посланъ въ Италію и, по возвращеніи, былъ назначенъ директоромъ нѣвческой капеллы. Любопытно отмѣтить, что при Елизаветѣ Петровнѣ были и придворные бандуристы.

Но вотъ явился купеческій сынъ Волковъ въ Ярославль, который нашелъ въ своей душѣ столько силы и вѣры въ свое призваніе, что рѣшился отдаться ему всецѣло и счумѣлъ найти среди своихъ друзей—актеровъ, изъ которыхъ создалъ цѣлую труппу, а изъ деревяннаго сарая—первый русскій театръ.

Въ 1752 г. вѣсть о ярославскомъ театрѣ Волкова дошла до Елисаветы Петровны, которая приказала немедленно привезти труппу на почтовыхъ ко двору. Это было зимою, почему актеровъ снабдили казенною теплою одеждою и въ числѣ 14 человекъ съ сенатскимъ экзекуторомъ Дашковымъ отправили въ Петербургъ. Сперва былъ представленъ «Хоревъ», затѣмъ дали «Синава и Трувора», «Артистона» и «Гамлета»; игра Синава болѣе всего восхитила Государыню, которая подозвала къ себѣ автора—Сумарокова и подарила ему съ своей руки перстень. При учрежденіи постоянного русскаго театра, 30 Августа 1756 г., Сумароковъ былъ назначенъ его директоромъ съ жалованьемъ 1.000 рублей въ годъ.

Подъ зданіе театра былъ взятъ головинскій домъ (на мѣстѣ его нынѣ стоитъ Академія Художествъ) и Сумароковъ публиковалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что: «потребно нынѣ къ русскому театру нѣсколько комедіанокъ и тѣ-бъ явились къ бригадиру Сумарокову».

Въ произведеніяхъ Сумарокова можно замѣтить нападки на пороки и предрассудки чисто-русскіе, но эти нападки не выдвигаются на первый планъ, а остаются какимъ-то страннымъ эпизодомъ; съ другой стороны они затрагиваютъ немногія стороны русскаго общества и часто отзываются личностями, которыя прямо вылились изъ горячаго, задроннаго характера Сумарокова.

Личность Сумарокова прекрасно рисуется изъ письма современника, который говоритъ: «Можно ли почестъ такого стихотворца за полезнаго обществу, который бранитъ тѣхъ, кои даровали ему жизнь? который съ женою и дѣтьми своими разлучился единственно для того, чтобы неистовство свое удовольствовать съ презрѣнною своею рабою; который и теперь сей несчастной женѣ не даетъ жить спокойно и въ чужомъ домѣ: проѣзжая мимо ея окошекъ, кричитъ во все горло, бранитъ ее безчестными словами».

Фонъ Визинъ не боялся возстать противъ Сумарокова, указывая очень вѣрно анахронизмы въ его комедіяхъ. Тѣмъ не менѣе Сумароковъ выводилъ модниковъ, копируя ихъ языкъ и манеру. Насмѣшки надъ пристрастіемъ русскихъ къ французскому языку начаты были имъ. Императрица Екатерина II про Москву писалъ Сумароковъ: «И народу и глупостей здѣсь больше; ста Мольеровъ требуетъ Москва. Люди здѣсь только во вкусъ приводятся, потому что Дворъ обыкновенно въ Петербургѣ». Но въ 1807 г.

Первый директоръ русскаго театра.
А. П. Сумароковъ.

киевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ говорилъ: «Сумарокова нынѣ уже не могутъ и изъ книжныхъ лавокъ выжить, не смотря на то, что современники величали его Рассиномъ и Лафонтеномъ». Впрочемъ виною тому было и безобразное изданіе сочиненій Сумарокова, какъ замѣчалъ еще Новиковъ.

Безспорно, однако, что Ломоносовъ и Сумароковъ внесли въ русскую литературу новыя европейскія начала и отодвинули ее отъ старины XVII вѣка. Сумароковъ, подчиняясь западничеству, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на оставшіяся въ народномъ обращеніи повѣсти о «Бовѣ и Петрѣ» и «Златыхъ Ключахъ». Но сама императрица Екатерина II вѣрно и правильно понимала значеніе театра, говоря:

«Театръ школа народная, она должна быть непременно подъ моимъ надзоромъ, я старшій учитель въ этой школѣ, и за правы народа мой первый отвѣтъ Богу».

Мало этого, Екатерина II сама сочиняла піесы и съ большимъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ театра, справедливо видя въ представленіяхъ рычагъ воздѣйствія на народъ.

По вступленіи на престолъ, Екатерина II пожаловала Волкова дворянскимъ достоинствомъ и вотчиною въ 700 душъ, но первый русскій актеръ, со слезами благодарности, просилъ государыню удостоить этою милостію женатаго брата Гавріила, а ему позволить остаться въ томъ званіи и состояніи, которому онъ обязанъ своею извѣстностію и императрица уважила просьбу Волкова.

Этотъ фактъ чрезвычайно знаменателенъ, такъ какъ въ 1817 году, т. е. въ эпоху, описанію которой посвящается настоящій нашъ трудъ, было сдѣлано распоряженіе, чтобы чиновникъ, при поступленіи на сцену, былъ предварительно лишаемъ чина, и четыре года спустя возникъ вопросъ, возвращать ли чины при отставкѣ тѣхъ актеровъ, которые ихъ имѣли до поступленія на сцену и лишь Высочайшимъ повелѣніемъ 1831 года вопросъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Вспоминая Волкова на юбилей въ Ярославлѣ, современный актеръ А. И. Южинъ (князь Сумбатовъ) недаромъ говорилъ: «Когда русскій актеръ, образованный и обезпеченный, чуткій и трудолюбивый, займетъ себѣ въ обществѣ то мѣсто, на которое онъ имѣетъ полное право—мѣсто общественнаго и государственнаго слуги—дѣятеля; когда онъ завоеуетъ общее уваженіе къ себѣ и полное признаніе своего дѣла; когда онъ обрѣту руку съ русскимъ драматическимъ писателемъ создать тотъ національный театръ, въ широкомъ смыслѣ это слова, основу которому положили Фонъ—Визинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій, Мочаловъ, Щепкинъ, Садовскій и Мартыновъ; тотъ театръ, которому чужды будутъ нелѣпыя искаженія, вызываемыя модой, театръ, свободный отъ низменныхъ родовъ сценическаго дѣла, присвоившихъ себѣ имя театра безъ всякаго права, тогда явится театръ, въ которомъ русская жизнь и русскіе идеалы сольются съ вѣчными идеалами человѣчества, не утрачивая своего національнаго, народнаго духа, своей тѣсной связи съ родной землей».

Это время недалеко, надѣмся и свято вѣримъ въ дѣло преусиленія русскаго театра, такъ какъ, по словамъ князя С. М. Волконскаго, бывшаго директора Императорскихъ театровъ: «театральное искусство самое живое потому, что въ то время, какъ во всѣхъ другихъ искусствахъ художникъ и его произведеніе существуютъ раздѣльно другъ отъ друга, въ сценическомъ искусствѣ они слиты воедино; живописецъ существуетъ отдѣльно отъ своей картины: онъ можетъ уйти, картина останется; актеръ и изображаемое имъ лицо—нераздѣльны: актеръ ушелъ со сцены, ушло и изображаемое имъ лицо. Наконецъ, еще причина, почему драматическое искусство—самое живое: въ живописи занято наше зрѣніе, въ музыкѣ—слухъ, въ поэзіи умъ, въ театрѣ заняты и зрѣніе, и слухъ, и умъ, мы участвуемъ въ драматическомъ искусствѣ всей полнотою нашей духовной природы».

«Такимъ образомъ, независимо даже отъ того, что по своему содержанію оно полнѣе другихъ искусствъ, а прямо по существу своему, въ силу тѣхъ особенностей, которыми оно отличается отъ другихъ искусствъ, драматическое искусство—самое живое изъ всѣхъ».

А если оно самое живое и самое полное, а съ другой стороны наша духовная природа участвуетъ въ немъ съ наибольшей полнотой, то мы должны признать, что степень совершенства и содержательности театральнаго искусства въ той или другой странѣ составляетъ одинъ изъ показателей духовной жизнеспособности народа, а интересъ, который народъ выказываетъ къ вопросамъ театра, и серьезность запросовъ, которые онъ къ театру предъявляетъ,—одинъ изъ показателей его культуроспособности.

Императрица Екатерина II.

«Нельзя лишь позабывать, что нераздѣльностью художника и его произведенія объясняется сила, съ которою дѣйствуетъ драматическое искусство, но имъ-же обусловливается и недолговѣчность впечатлѣнй: отъ всякаго художника что-нибудь остается, отъ актера остается одно воспоминаніе у современниковъ его. Тѣмъ не менѣ заслуги дѣятелей русскаго сценическаго искусства прошлаго, несомнѣнно, заслуживаютъ воспоминанія, такъ какъ ими создано настоящее высокое положеніе театра, и приводятъ всякаго образованнаго человѣка къ признанію важности исторіи русскаго театра».

Вотъ слова, которыя безпристрастно и убѣдительно подтверждаютъ нѣлесообразность и необходимость предпринятаго нами изданія.

Приступая къ описанію театра эпохи царствованія императора Александра I, когда, по словамъ театральныхъ воспоминаній извѣстнаго О. Булгарина: «Россія не видала въ одно время столько отличныхъ писателей и драматическихъ артистовъ, какъ въ первую половину царствованія Александра I... Эта эпоха была для насъ то-же, что для Рима вѣкъ Августа!»

Но отношенія русскаго общества къ сценическимъ дѣятелямъ, замѣчаетъ покойный актеръ П. А. Каратыгинъ: «были далеко не таковы, какъ въ древнемъ Римѣ, гдѣ званіе актера считалось почетнымъ. На нашихъ Росціевъ вельможи взирали съ высоты своего величія, третируя ихъ какъ скомороховъ, какъ людей, принадлежащихъ къ кастѣ, если не отверженной, то, по крайней мѣрѣ, бесполезной и едва ли не вредной. Актрисы, пѣвицы, танцовщицы — пользовались благосклонностію господъ; но объ этой благосклонности онѣ могли сказать словами «Лизы» въ «Горѣ отъ ума»:

«Минуй насъ, пуще всѣхъ печалей,
И барскій гнѣвъ и барская любовь!»

До 1803 г. на всѣхъ столичныхъ театрахъ существовалъ обычай со сцены объявлять публикѣ спектакли, назначенные на завтрашній день. Наканунѣ бенефисовъ, иногда сами бенефицианты выводили съ собою, ради умиленія публики, своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Если-же бенефисъ давался вдовѣ, или сиротамъ артиста—соблюдалось это непременно: чѣмъ меньше ребятишки, тѣмъ вѣрнѣе былъ расчетъ на большой сборъ. Семейные бенефицианты прилаживали къ спектаклю дивертиссименты, въ которыхъ ихъ малолѣтніе дѣти читали басни, пѣли и плясали. Дней за пять до бенефиса, закулисные имянинники совершали объѣзды по домамъ богачей-милостивцевъ. Руководителемъ артистовъ въ этихъ походахъ былъ кассиръ Солнцевъ, отецъ извѣстнаго художника-археолога О. Г. Солнцева, по словамъ послѣдняго, онъ первый завелъ абонементы на спектакли, для чего имѣлась особая книга, съ которою кассиръ пріѣзжалъ къ разнымъ лицамъ и предлагалъ подписку на извѣстное число представленій; желающіе записывались въ книгу и вносили деньги.

Итакъ на эти поѣздки отправлялись и почтенные отцы семействъ, которые даже облакались въ шутовскіе костюмы, въ парики и разрисовывали фizioноміи. Мало того, брали съ собою своихъ дѣтей, наряжая ихъ въ русскія и цыганскія платья и заставляли плясать подъ аккомпаниментъ гитары или торбона.

Таковы были обычаи того времени, такова была публика театра, характеристику которой оставилъ намъ А. С. Пушкинъ въ своемъ «Замѣчаніи объ русскомъ театрѣ», въ которомъ говоритъ: «Публика образуетъ драматическіе таланты. Что такое наша публика? Предъ началомъ оперы, трагедіи, балета—молодой человѣкъ гуляетъ по всѣмъ десяти рядамъ креселъ, ходитъ всѣмъ по ногамъ, разговариваетъ со всѣми знакомыми и незнакомыми.

«Откуда—ты?»

— Отъ Семеновой, отъ Сосницкой, отъ Колосовой, отъ Истоминой...

«Какъ ты счастливъ!»

— Сегодня она поетъ — она играетъ — она танцуетъ — похлопаемъ ей — вызовемъ ее! Она такъ мила! У ней такія глаза! Такая ножка! Такой талант! Занавѣсъ подымается. Молодой человѣкъ и его пріятель, переходя съ мѣста на мѣсто, восхищаются и хлопаютъ. Не хочу здѣсь обвинять пылкую, вѣтреную молодость, зная, что она требуетъ снисхожденности, но можно ли полагаться на мнѣнія таковыхъ судей? Часто пѣвецъ или пѣвица, заслужившіе любовь нашей публики, фальшиво дотягиваютъ арію Боельдье или dell' Мани. Знатоки примѣчаютъ, любители чувствуютъ. Они молчатъ изъ уваженія къ таланту. Прочіе хлопаютъ изъ довѣренности и кричатъ «фора!» изъ приличія.

Трагическій актеръ зареветъ громче, сильнѣе обыкновеннаго: оглушенный раскъ приходитъ въ изступленіе, театръ трещитъ отъ рукоплесканій.

Актриса... но довольно будетъ, если скажу, что невозможно цѣнить таланты нашихъ актеровъ по шумнымъ одобреніямъ нашей публики. Значительная часть нашего партера